

Русская религиозная философия о духовных основаниях хозяйственной деятельности

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается свойственное русской философии понимание природы хозяйственной деятельности. Основное внимание сосредоточено на выдвигаемой русскими философами идее духовных оснований экономического процесса, критике ими абсолютизации «экономического человека», понимаемого в духе рационализма, его отрыва от целостности бытия как субъекта культуры.

Развитие идеи духовных оснований хозяйства осуществлялось В. С. Соловьевым, полагавшим, что человек мотивируется не рациональным расчетом, а стремлением к благу. В статье анализируется отрицание философом экономических законов и его утверждение, что единственным законом, которому подчиняется человек, является нравственный закон.

Согласно философии хозяйства С. Н. Булгакова, духовная природа хозяйственной деятельности является следствием ее обусловленности целостностью культуры, которая сама имеет хозяйственную основу, т. е. развивается благодаря хозяйственному взаимодействию с окружающей действительностью. В свете такого подхода особое значение приобретает антропологическая проблематика. Булгаков приходит к мысли, согласно которой, каждая эпоха имеет свой тип «экономического человека», особенности которого не являются «рефлексом» экономических отношений, а обуславливаются всем духом хозяйства, т. е. целостностью культуры.

Для русской философии свойственно специфическое понимание верховной цели хозяйственной деятельности. В качестве таковой в ней рассматривается очеловечивание природы в космическом масштабе. Для Соловьева очеловечивание — это одухотворение природы, для Булгакова — движение в направлении торжества жизни.

В статье делается попытка соотнести представления русских философов с теми процессами, которые происходят в современной экономике и некоторыми идеями по поводу этих процессов, существующими в философской и экономической мысли нашего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

хозяйство, «экономический человек», культура, духовность, нравственность, очеловечивание природы

Alexandrov V. B.

Russian Religious Philosophy about the Spiritual Bases of Economic Activity

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article are considered understanding of the nature of economic activity peculiar to the Russian philosophy. The main attention is concentrated on the idea of the spiritual bases of economic process which is put forward by the Russian philosophers, the critic by them absolutizations of the "economic person" understood in the spirit of rationalism, its separation from integrity of life as the subject of culture.

Development of idea of the spiritual foundations of economy was carried out by V. S. Solovyov believing that the person is based not on rational calculation, but aspiration to the benefit. In article denial by the philosopher of economic laws and his statement is analyzed that the only law to which the person submits, the moral law is.

According to philosophy of economy of S. N. Bulgakov the spiritual nature of economic activity is a consequence of its conditionality integrity of culture which itself has an economic basis, i. e. develops thanks to economic interaction with surrounding reality. In the light of such approach the anthropological perspective is of particular importance. Bulgakov arrives at idea according to which every era has the type of "the economic person" which features aren't "reflex" of the economic relations, and are caused by all spirit of economy, i. e. integrity of culture.

For the Russian philosophy the specific understanding of the Supreme purpose of economic activity is peculiar. As that in it the nature hominifying in space scale is considered. For Solovyov the hominifying is a spiritualizing of the nature, for Bulgakov — the movement in the direction of a life celebration.

In article attempt to correlate representations of the Russian philosophers to those processes which happen in modern economy and some ideas on a wire of these processes existing in philosophical and economic thought of our time becomes.

KEYWORDS

economy, «the economic person», culture, spirituality, moral, nature hominifying

В русской философии была выработана мировоззренческая парадигма, во многом соответствовавшая отечественной культурной традиции, которая явилась основой специфического толкования явлений и процессов общественной жизни. Ядром этой парадигмы было понимание общества как иерархически организованной целостности, имеющей в своей основе духовное начало.

Одной из значимых тем, разрабатывавшихся русскими мыслителями в свете названной парадигмы, стала природа хозяйственной деятельности. Основные идеи русских мыслителей в этой области формировались в ходе критики получившего распространение в конце XIX – начале XX вв. экономического материализма и вообще всяческого выдвигания на первый план материального интереса, как двигателя хозяйственного развития.

Главная особенность отношения русских мыслителей к пониманию хозяйственной деятельности, определяющая и направленность критического отношения к материалистическим и утилитаристским концепциям, вытекала из названной выше мировоззренческой парадигмы и состояла в стремлении обосновать духовную природу хозяйственной деятельности.

Впервые наиболее отчетливо этот способ мышления прослеживается в философии В. С. Соловьева, согласно которому в системе мотивов, определяющих поведение человека, ведущее значение принадлежит нравственным побуждениям и, соответственно, в экономической, производственной деятельности человек мотивируется, прежде всего, не рациональным расчетом, а стремлением к благу. Корыстный расчет есть не что иное, как проявление моральной несостоятельности, а не каких-то изначальных черт человеческой природы. «Я стою, — писал Соловьев, — только за ту очевидную истину, что при *достаточной силе* нравственных побуждений у данного лица, частного и тем более правительственного, никакая предполагаемая экономическая необходимость не помешает ему подчинить материальные соображения нравственным в том или другом деле» [7, с. 411]. Подобный подход приводит его к заключению, которое с точки зрения современных представлений в области экономической теории, выглядит, по меньшей мере, парадоксально. «Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости, — утверждает философ, — нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельность человека — существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра» [Указ. соч., с. 412].

Согласно Соловьеву, существует лишь один закон, которому подчиняется человек, — нравственный. «Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такового, один — нравственный, и необходимость одна — нравственная... Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое своеобразное поприще для применения единого нравственного закона» [Там же]. Этот нравственный закон определяет три основных вида отношений, в которые, так или иначе, вступает человек, осуществляющий хозяйственную деятельность: «должное положение относительно Бога, людей и материальной природы» [Указ. соч., с. 417].

Общий недостаток плутократии и социализма, — по мнению русского философа, — в том, что «и здесь, и там человек берется как экономический деятель, отвлеченно от других сторон его существа, и здесь, и там окончательной целью и верховным благом признается экономическое благосостояние» [Указ. соч., с. 415]. Такая установка неизбежно оказывается разрушительной, поскольку «исходя из частного интереса как цели труда, мы приходим не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению» [Указ. соч., с. 420].

Соловьев не отрицает фактора объективной необходимости, но переносит его во внешний мир, в природу. Это естественная предпосылка, которую следует иметь в виду, но не она определяет существо хозяйственной деятельности. «Все, что существует в предметах и явлениях экономической области происходит, с одной стороны, от внешней природы и подчинено в силу этого материальной необходимости (механическим, химическим, биологическим законам), а с другой стороны, определяется действием человека, которое подчинено необходимости психологической и нравственной» [Указ. соч., с. 411]. Для пояснения своей позиции Соловьев рассматривает закон спроса и предложения и приводит примеры конкретных случаев, когда при определенной нравственной установке товаровладельца этот закон вполне может нарушаться [см.: Указ. соч., с. 409].

Конечно, способ аргументации «от конкретного случая» весьма поверхностен. Сегодня мы хорошо знаем, что закономерности общественной жизни представляют собой тенденции, которые реализуются через явления, могущие в большей или меньшей степени отклоняться от нее. Такие конкретные «отклонения» не могут быть основанием для критики идеи социальной, в частности, экономической, закономерности. Однако само стремление найти для экономической деятельности основания, лежащие за пределами материальной сферы общественной жизни, является, на наш взгляд, весьма знаменательным, поскольку открывает возможности для рассмотрения хозяйства как формы бытия культуры, существующего и развивающегося в контексте целостного культурного процесса.

По поводу приведенной точки зрения нам хотелось бы высказать еще одно соображение. В цитированном фрагменте и в ряде других пассажей Соловьев ставит в один ряд психологическую и нравственную необходимости. Думается, это не совсем корректно. Психологические закономерности действительно могут рассматриваться как основание для определенного типа экономического поведения. Так, вымывание дорогих и некачественных товаров, следующее из закона конкуренции, можно истолковать или в духе теории когнитивного диссонанса как стремление к уменьшению состояния дискомфорта, испытываемому личностью в случае противоречия нескольких позиций, или в духе теории баланса как стремление к гармоничным и непротиворечивым ситуациям и отношениям. Иными словами, можно сказать, что экономические законы выступают как проявление психологических закономерностей в сфере отношений производства, обмена, распределения, потребления жизненных благ. Однако это не означает возможности отказа от признания экономических законов. Эти законы существуют как результат «снятия» психологических

закономерностей и обретают значение, когда экономические отношения начинают рассматриваться как относительно самостоятельная сфера общественной жизни.

Влияние нравственного сознания на сферу экономики также нельзя отрицать. Смысл этого влияния заключается во внесении в сферу оснований экономического поведения ценностного фактора, через который экономическое поведение связывается с различными пластами или видами культуры и даже личными предпочтениями субъекта экономической деятельности. Конечно, оно может повлечь и рассмотрение экономической рациональности как ценности (вспомним обоснование Вебером протестантской культуры, как ценностно-смыслового источника капиталистической системы хозяйства), но может привести и к существенному отклонению от казалось бы очевидной логики экономического поведения.

Кроме того, следует иметь в виду, что влияние нравственности на хозяйственный процесс, смысловые основы потребления имеет исторический характер и весьма существенно меняется от эпохи к эпохе, приобретает свои особенности в различных хозяйственных укладах.

Так, семейно-трудовое хозяйство, свойственное в основном традиционному обществу, можно определить как моральную экономику, поскольку важнейшим фактором производственной и распределительной деятельности выступают моральные обязательства.

В индустриальном производстве рабочий, продающий свою рабочую силу с доступной для него степенью рациональности, выступает как «экономический деятель», для которого моральная мотивация, как фактор этого процесса, практически не существует. Смыслом его трудовой деятельности является поддержание собственного существования и существования своей семьи. Ответственность перед семьей для него это фактически единственное моральное обязательство.

Для собственника средств производства экономическая деятельность имела своей целью накопление богатства, которое в духе протестантизма, если следовать М. Веберу, рассматривалось им как призвание, которому он должен следовать в своей земной жизни. Это призвание, с одной стороны, составляет моральную мотивацию его экономического поведения, а с другой стороны, требует выверенного рационального расчета. Данная ситуация нашла свое отражение в концепции экономического рационализма, абсолютизирующей экономическое бытие человека, в рамках которого человеком движет стремление к обогащению, эгоизм и агрессивный индивидуализм.

Признавая взаимосвязь экономического поведения и моральной мотивации, следует иметь в виду, что диалектика экономической логики и «нравственной необходимости» имеет весьма сложный характер, и полагать, как того требует В. С. Соловьев, что главным законом для человека является закон нравственный, было бы несколько опрометчиво. В системе общества различные сферы общественной жизни, будучи тесно связанными между собой, вместе с тем являются относительно самостоятельными. Признание влияния нравственности на хозяйственную деятельность не означает универсальной зависимости экономической сферы от «нравственной необходимости». Критика экономического детерминизма не должна обобщаться «нравственным детерминизмом».

Экономическое поведение в своем основании имеет экономический интерес, который, несомненно, является феноменом духовного порядка и причудливым образом связан с другого рода интересами и ценностями. Эта связь составляет тему, вокруг которой выстраивается духовная жизнь субъекта хозяйственной деятельности. Это означает, что более точно говорить не о нравственных, а о духовных основах экономических процессов. Поэтому характеристика хозяйства как деятельности, имеющей в своей основе духовное начало, провозглашаемая Н. А. Бердяевым, включает в себе возможность более реалистичного подхода к пониманию

природы хозяйственной деятельности, нежели тот, который был предложен В. С. Соловьевым. «Хозяйственная материальная жизнь, — писал Бердяев, — не может быть противопоставляема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Дуалистическая социология, разрывающая дух и материю в жизни социальной, ошибочна и иллюзорна. Вся материальная жизнь есть лишь внутреннее явление жизни духовной и в ней коренится...» [2, с. 206].

Наиболее развитую философскую концепцию духовной природы хозяйственной деятельности выдвинул С. Н. Булгаков. Согласно его подходу, в центре философии хозяйства должно стоять учение о человеке [4, с. 305]. Это положение, как считает Булгаков, отличает его видение хозяйства от марксистского подхода, который принципиально «чужд философской антропологии» и рассматривает человеческие личности лишь как «заводные куклы, дергающиеся за ниточку экономических интересов» [3, с. 293]. За этим важнейшим методологическим просчетом марксизма, согласно Булгакову, стоит превращение политэкономического подхода, игнорирующего человека, в основу философского видения хозяйственной деятельности. Для марксизма, согласно Булгакову, свойственно «незаконное употребление понятий политической экономии в качестве исчерпывающих категорий философии хозяйства».

Для того чтобы преодолеть этот подход, следует изменить представление о субъекте хозяйственной деятельности. Подлинным субъектом хозяйства, по Булгакову, выступает трансцендентальный субъект, т. е. человечество, несущее в себе субстанциональное духовное начало, формирование и развитие которого происходит в контексте целостности культуры, которая сама носит хозяйственный характер, т. е. формируется и развивается благодаря хозяйственной деятельности человека. Человек рождается в хозяйстве, изначальной основой которого была жизненная необходимость, и своей активностью, направленной на развитие хозяйства, обуславливает развитие культуры в целом, которая в свою очередь наполняет хозяйственную деятельность духовным содержанием.

Духовная природа хозяйственной деятельности находит свое естественное выражение в ее основной цели, в качестве которой выступает очеловечивание природы. Это процесс по-разному трактуется различными русскими философами. Для Соловьева он представляет процесс *одухотворения* природы. По его словам, «цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добычи вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного» [7, с. 427]. Несколько иной характер идея очеловечивания приобретает в философии Булгакова. Разработка этой идеи у него обретает, по сути, черты философии жизни, согласно которой в хозяйственной деятельности природа наполняется энергией жизни, мертвая материя преобразуется в организм, продолжающий органическое бытие человека. Согласно Булгакову, в хозяйственном процессе «выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью». Соответственно, цель хозяйства «можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмизмом, причинности целесообразностью, как *очеловечение природы*» [3, с. 85]. Торжество жизни в космическом масштабе философ определяет как «панзоизм».

Идею очеловечивания природы как задачи космического масштаба развивает Бердяев, утверждавший, что «перед человеком стоит задача создания *космического хозяйства*», [2, с. 210]. В понимание этого процесса он вносит еще одну краску — мысль об овладении природными процессами и возможности управления ими. Человеку предстоит войти «вглубь природы для того, чтобы владеть и управлять стихиями, а не быть в их власти и управляться ими» [Указ. соч., с. 211]. Он поддерживает идеи Булгакова, высказанные им в «Философии хозяйства», харак-

теризуя их как попытку религиозно осмыслить хозяйство, хотя и сетует по поводу того, что сама религия у Булгакова приобретает слишком хозяйственный характер.

В определенной степени идея очеловечивания и одухотворения материи, развиваемая в философии хозяйства русских философов, предвосхищает концепцию ноосферы, однако, на наш взгляд она содержит в себе более богатое в эвристическом отношении содержание, нежели то, которое получило распространение в нашей литературе, так или иначе разрабатывающей понятие ноосферы. Концепция ноосферы, как сферы разума, в одних интерпретациях больше, в других меньше, сводит разум к научному познанию, полагая, что ноосфера представляет собой преобразованную на основе науки биосферу. Подход русских философов ориентирует на то, чтобы рассматривать преобразующее начало как целостность, объединяющую в себе рациональное и духовно-ценностное освоение мира. В противостоянии и взаимном обогащении этих сторон и происходит преобразование природного мира.

При этом духовность, культура в целом, как отмечалось, согласно Булгакову, сама развивается в хозяйственной деятельности. Однако в отличие от марксизма русский философ трактует этот процесс как осуществляющийся постольку, поскольку трудовая деятельность понимается не просто как источник средств существования, а как следствие отношения человека к хозяйственной деятельности как Божественной заповеди. Трудясь, человек восходит к Богу, поскольку все более и более глубоко осознает смысл этой заповеди. Ранее в этом же направлении развивалась мысль Соловьева, утверждавшего, что *«труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу»* [7, с. 429]. Данное высказывание характерно отчетливым установлением природы трудовой деятельности как процесса, в котором диалектически связаны духовное возвышение человека и одухотворение природы.

Вместе с тем можно сказать, что взаимодействие собственно производственной деятельности и мира духа, мира культуры является внутренним процессом в системе хозяйственной деятельности. Понимая культуру как хозяйственный феномен (в смысле обусловленности ее развития движением хозяйственной деятельности), Булгаков стремится уйти от примитивного экономического детерминизма, утверждая, что возникнув в контексте жизненной необходимости, преодолению которой служит хозяйство, культура обретает самостоятельную логику развития. Он иронизирует над «благоглупостями», встречающимися среди представителей экономического материализма, когда предпринимается «материалистическое истолкование чуть ли не конкретного исторического явления — не только христианской религии или средневекового рыцарства, но и поэзии Шекспира или Пушкина» [3, с. 291]. Возникнув на основе хозяйственной деятельности, культура оказывает на нее влияние не в грубо детерминистическом смысле, а через создание духовной атмосферы, в которой осуществляется экономическая деятельность хозяйствующего субъекта определенной эпохи. Именно поэтому «хозяйство есть явление духовной жизни в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда» [Указ. соч., с. 233].

Булгаков видит соответствие своей хозяйственной концепции культуры величественной гегелевской философии, а не экономическому материализму, как это может показаться на первый взгляд. Экономический материализм, согласно Булгакову, чреват противоречием, суть которого в стремлении соединить метафизику истории Гегеля, у которого деятельность конкретных людей с их интересами является средством самоосуществления идеи, с плоским утилитаризмом Бентама.

Для Булгакова совершенно неприемлемой является установка, согласно которой главными для человека оказываются выгода, польза и, соответственно, двигателем человеческой активности выступает материальный интерес. В марксизме, по словам Булгакова, этот подход был распространен на борьбу классов, противостояние которых в нем трактовалось как обусловленное в первую очередь экономическим интересом.

Логика «хозяйственной концепции культуры» приводит Булгакова к заключению, в соответствии с которым каждая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», который порождается всем духом хозяйства, т. е. по сути, если следовать логике философа, культуры. По словам Булгакова: «объявлять черты экономического человека лишь “рефлексом” данных экономических отношений возможно только при том логическом фетишизме, в который невольно впадает политическая экономия, когда она рассматривает хозяйство, развитие производительных сил, разные экономические организации чрез призму абстрактных категорий вне их исторической конкретности» [Там же]. Характерно, что подобную логику размышления мы встречаем уже у Соловьева, утверждавшего, что нельзя человека рассматривать только лишь как «экономического деятеля» в отрыве от других сторон его существа.

Идея русских философов, согласно которой человека как экономического деятеля нельзя отрывать от других сторон его существа, о том, что человек как субъект хозяйства порождается целостностью культуры, находит интересное проявление в современных условиях. Характерной тенденцией сегодняшнего дня становится все большая очевидность недостаточности абстракции экономического человека для понимания того, что происходит в экономической сфере. Деятельность человека в этой сфере становится откликом на причудливый синтез импульсов, идущих из различных сфер общественной жизни, в которые он так или иначе погружен. «Экономический человек» все в большей степени становится многоплановым субъектом — субъектом культуры, во внутреннем мире которого интегрированы экономические интересы, ценность социальных отношений, политические предпочтения, ориентации на личностную самореализацию и др.

В этой ситуации, по справедливому замечанию одного из ведущих немецких специалистов в области этической экономики, в настоящее время «культура определяет характер многих экономически релевантных действий. Так, например, наши потребительские и инвестиционные решения всегда оформлены и определены в культурном и религиозном смысле, речь идет о символическом значении благ и религиозном отказе от потребления в пользу сбережений. Наши привычки в расходовании энергии, наши установки в отношении охраны окружающей среды также принадлежат культуре» [6, с. 149].

Современные исследования качества жизни показывают, что большинство населения развитых западных стран в шкале своих ценностей не отдают первенство достижению материальных преимуществ, богатства и высоких доходов. Предпочтение отдается таким показателям, как здоровье, семейные отношения, дружба, спокойный отдых и социальный мир [5, с. 616]. Меняются и предпочтения, по которым осуществляется выбор места работы. Это означает, что экономическое поведение выступает лишь стороной, одним из способов самоосуществления субъекта культуры как некоторой целостности.

Современные критики экономического рационализма утверждают, что свойственное ему видение экономического человека несовместимо с идеей развития личности, взаимной ответственности, социального единства и создания действенного управления. Можно сказать, что модель *homo economicus*, ищущего возможность максимального получения преимуществ, пользы, богатства, уступает место модели, которую мы бы определили как *homo harmonicus*, воспроизводящей образ

человека, ориентированного на гармонизацию собственной жизни. Если идея *homo economicus* «подрывает социальные факторы своевременности и доверия, необходимые для дальнейшего существования общества и непрерывного продуктивного экономического развития» [5, с. 617], то представление о *homo harmonicus* выражает тенденцию формирования общества, выводящего на первый план идею личностной самореализации, которая становится и существенным фактором экономического развития.

Определенный отзвук идей русских философов об очеловечивании мира как результате хозяйственной деятельности можно проследить и в той области, которую можно назвать культурой потребления. Массовое потребление уступает место потреблению с повышенными эстетическими и культурными запросами. Ориентация потребителя перемещается с материальных свойств товара на его символически-культурные качества. «При импорте благ приобретают значение „итальянский дизайн“, „французский шик“, „немецкое качество“ и т. п. Здесь осознано центр тяжести переносится с количественно-материального на качественно-культурный процесс. Формируется задача „продавать культуру“» [6, с. 154].

Развивая идею духовной обусловленности хозяйственной деятельности, русские философы обращают внимание на то, что содержание основных экономических категорий укоренено в целостности духовного мира человеческой личности, так или иначе несущего на себе отпечаток целостности конкретной культуры. Красноречивым примером подобного способа мышления является трактовка русскими мыслителями такой категории, как собственность, которая, по словам Бердяева, «по природе своей есть начало духовное, а не материальное». Значение собственности в общественной жизни заключается в том, что она «предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде» [2, с. 215]. Особое значение имеет духовная наполненность собственности на землю. Поясняя это обстоятельство, Бердяев пишет: «Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю, и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребителски корыстное отношение к земле, грубо материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, она сделает невозможной интимную связь и с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание» [Указ. соч., с. 216].

В этом же духе рассуждает В. С. Соловьев, определяя смысл института наследования. Положительные стороны этого учреждения, согласно философу, вытекают из самой природы человека [7, с. 435]. «Наследственная собственность есть пребывающая реализация нравственного взаимоотношения в самой тесной, но зато и в самой коренной общественной сфере — семейной. Наследственное состояние есть, с одной стороны, воплощение переживающей, чрезмогильной жалости родителей к детям, а с другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти об отошедших родителях» [Указ. соч., с. 437]. Так же как и для собственности, особенно значимый «нравственный момент» имеет место при наследовании земельной собственности. «Всякий, естественно, привязывается к своему родному уголку земли, к родным могилам и колыбелям; это есть связь нравственная и притом распространяющая человеческую солидарность на материальную природу и эти полагающая начало ее одухотворения» [Там же].

Духовный, нравственный смысл в русской философии обретают и категории, выражающие принципы организации хозяйства. В частности, это касается категории «иерархия», которая в русской ментальной традиции выступает как смысловой центр, вокруг которого выстраивается образ социальной жизни. Сказанное озна-

чает, что иерархия выступает в русской философии не просто как одно из понятий, с помощью которых формируется системное видение общества. Эта категория включает в себе основную ценность, должную определять самосознание человека, включенного в различные виды социальной деятельности. Подлинность человеческого бытия определяется осознанным и ответственным включением в иерархически организованную целостность общества, имеющую в своей основе духовное начало. Категорией, определяющей смысл человеческого бытия в соответствии с этой ценностью, выступает *служение* (подр. об этом: 1, с. 185]. Подобный способ мышления распространяется русскими философами и на понимание хозяйственной деятельности человека. Следуя ему, Бердяев утверждает, что «хозяйство есть организм разнокачественного, иерархического устройства, а не коллектив однокачественного, механически уравненного строения» [2, с. 214]. Данное утверждение, выглядящее, на первый взгляд, достаточно тривиально, поскольку любой тип хозяйства имеет более или менее развитую иерархическую организацию, имеет нетривиальный смысл в том, что определяет ценностные основания трудовой деятельности человека как служения.

Категория «иерархия» соотносится с ответом на еще один важный вопрос, неминуемо встающий перед философией хозяйства. Это вопрос о том, в какой степени и в каком смысле можно говорить о свободе человека, включенного в систему хозяйственной деятельности. Размышление о возможности свободы выводит русских мыслителей на критический анализ известного им опыта капиталистической организации хозяйства с одной стороны, и первых попыток организации хозяйства на социалистических основах, с другой. По словам Бердяева, капитализм и социализм — «две формы рабства человеческого духа у экономики, у им же создаваемого хозяйства». «В чудовищном капиталистическом хозяйстве дух человеческий вызывает и развивает силы, которые им же овладевают и поработают его. Человек не может справиться не только со стихийными силами природы, но и со стихийными силами хозяйства, которые живут по собственному закону... тогда на смену капитализму приходит социализм со своими притязаниями урегулировать стихийные силы хозяйства, рационализировать хозяйственный хаос... в пределе своем он окончательно должен истребить человека. Регуляции стихийных сил хозяйства социализм хочет купить ценою обобществления человека без остатка, превращения его в экономическую категорию» [Указ. соч., с. 208]. Что можно противопоставить этим двух способам порабощения человека? Ответ для русского философа — один: это хозяйство, понимаемое как явление и средство духовной жизни [Там же].

Такое понимание хозяйства согласуется с принципом иерархии. Этот принцип ни в коей мере не означает ограничения свободы, наоборот, иерархия — условие свободы для человека, осознанно занимающего в ней свое место. По словам Бердяева, «органический член иерархии свободен» [Указ. соч., с. 214]. Для иерархически организованного хозяйства губительны революции, которые разрушают его органическое строение. «Восстания и бунты могут иметь лишь разрушительное влияние на хозяйство. ...Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни» [Указ. соч., с. 213].

Свобода в хозяйственной деятельности является условием достижения единства субъекта и природной действительности, на которую эта деятельность направлена. Это единство является смысловой основой жизни. Его достижение не может быть результатом исключительно некоторого плана, системы рационально обосновываемых мер. Оно осуществляется в потоке жизни, неразрывно соединяющем в себе рациональное и иррациональное. «Отождествление субъекта и объекта, каким вообще является жизнь,... не поддается рационалистическому определению. Это есть синтетическое единство свободы и необходимости — не свобода и необходимость,

но их живой синтез, который дается жизнью. Далее этот факт не может быть рационализирован и разложен... это единение субъекта и объекта, свободы и необходимости в жизненном акте может получать различную интенсивность и формы, которые и выражают общий диапазон жизни, ее порыв и мощь» [3, с. 230]. Подобное понимание хозяйства как единства рациональных и иррациональных сил можно встретить и у Бердяева, провозглашавшего необходимость «религиозного оправдания хозяйственного акта» [2, с. 215], критиковавшего социалистов за то, что для них не существует «таинственной стороны хозяйственного действия человека на природу» [Там же]. Эта акцентировка таинственного, иррационального в хозяйственной деятельности человека в трудах русских философов могла получать несовпадающую акцентировку. Булгаков свою философию хозяйства определял как мистический реализм, выражающий его внутреннее мироощущение, интуицию, определяющую понимание мира как хозяйства, движущегося в направлении торжества жизни. Для Бердяева, которого пугала убыль духа в европейском человечестве, связанная с развитием индустриально-капиталистической цивилизации, наоборот, «духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни» [Указ. соч., с. 217].

Думается, что это несовпадение позиций не следует преодолевать на путях поиска единственно правильного подхода. Как мудро заметил Булгаков, поскольку основные аксиомы философских систем открываются в интуиции философа, «системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если различаются исходные их аксиомы» [4, с. 308]. Различие в интуиции обусловливается различием жизненного опыта мыслителей. И, наоборот, по словам того же Булгакова, «единство мыслей достигается только жизненным единением». Судя по всему, это жизненное единение у названных философов было далеко не полным. Дело в том, что, несмотря на относительно небольшой временной промежуток, разделяющий создание Булгаковым его «Философии хозяйства» и завершение работы над цитированной «Философией неравенства» Бердяевым, различие в социальном опыте, питавшем размышления этих философов, было огромным. 1912 г., когда была написана книга Булгакова, был временем успешного социально-экономического развития России. К 1918 г., когда была создана работа Бердяева, уже были пережиты ужасы Мировой войны и первые месяцы революционных потрясений. Эти различия в социальном опыте не могли не отозваться в мировоззренческих установках философов. Если в первом случае социальный опыт индуцировал чувство торжества жизни, то во втором — ощущение наступления губительной жизненной похоти. Хотя конечно, отрицать значение личностных особенностей и индивидуальной жизненной траектории тоже нельзя.

Таким образом, жизнь вносит свои коррективы в формы представления национальной культурной традиции в творчестве конкретных мыслителей, хотя основные тенденции, укорененные в истории, конкретные исторические ситуации преодолеть не могут. К числу таковых относится идея духовных оснований хозяйственной деятельности, критика абсолютизации «экономического человека», его отрыва от целостности культурного бытия, понимание верховного смысла хозяйственной деятельности как очеловечивания природы, могущего трактоваться или как ее одухотворение, или как торжество энергии жизни в космическом масштабе.

Литература

1. Александров В. Б. Тема иерархии в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. 2014. № 7.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.

3. Булгаков С. Н. Философия хозяйства : соч. в 2 т. / С. Н. Булгаков. Т. 1. М., 1993.
4. Булгаков С. Н. Философия хозяйства (речь на докторском диспуте) : соч. в 2 т. / С. Н. Булгаков. Т. 1. М., 1993.
5. Государственное управление : словарь-справочник. СПб., 2001.
6. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999.
7. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1990.

References

1. Alexandrov V. B. *Idea of hierarchy in the Russian religious philosophy* [Тема иерархии в русской религиозной философии] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. № 7.
2. Berdyaev N. A. *Philosophy of an inequality* [Filosofiya neravenstva] // Russian abroad: From history of social and legal thought [Russkoe zarubezh'e: Iz istorii sotsial'noi i pravovoi mysli]. L., 1991.
3. Bulgakov S. N. *Philosophy of economy* [Filosofiya khozyaistva] // Bulgakov S. N. Collection of works in two volumes [Sochineniya v dvukh tomakh]. V. 1. M., 1993.
4. Bulgakov S. N. *Philosophy of economy (The speech on doctor's debate)* [Filosofiya khozyaistva (Rech' na doktorskom dispute)] // Bulgakov S. N. Collection of works in two volumes [Sochineniya v dvukh tomakh]. V. 1. M., 1993.
5. *Public administration* [Gosudarstvennoe upravlenie]. Dictionary. SPb., 2001.
6. Kozlowski P. *Principles of ethical economy* [Printsipy eticheskoi ekonomii]. SPb., 1999.
7. Solovyov V. S. *Excuse of the good* [Opravdanie dobra] / V. S. Solovyov // Collection of works in two volumes [Sochineniya v dvukh tomakh]. V. 1. M., 1990.